

Тёмная история.
Незаконно
на Ближнем Востоке

(Глава седьмая)

На войне ни дня, ни часа
Не живёт он без приказа,
И не может испокон
Без приказа командира
Ни сменить свою квартиру,
Ни сменить портянки он.
Ни жениться, ни влюбиться
Он не может, — нету прав,
Ни уехать за границу
От любви, как бывший граф.
Александр Твардовский
«Василий Тёркин»

I

Вновь Першин жил в Одессе-маме,
 Где грел на солнышке живот,
 Но приглянулся некой даме,
 Что прохлаждалась вне забот
 За счёт папаши генерала.
 Тот был в Кремле за кардинала,
 Коль состоял в Политбюро
 И в КГБ давал «Добро!»
 На обыски и на аресты,
 Ходил в друзьях у *Ильича*.
 Всё получилось сгоряча... —
 Но в чём резон-то от невесты,
 Когда Петрович был женат?
 Могли пришить ему разврат.

II

В застой с подобным было строго:
 Ходить <налево...> не могли.
 Коль залетел, тогда морока,
 Пускай — не кнут, не батоги,
 Но поймеют вмиг цинично,
 Мол, если ты на фронте личном,
 Как оказалось, а м о р а л —
 Считай, что Родину предал.
 Во как!.. — немного и немало.
 Покатят далее баллон,
 Проставив не один пистон.
 Венец интимного скандала —
 Разборка персональных дел:
 — Покайся, коли залетел...

III

Тогда партком при каждой части
Стерёг советскую семью:
За плотские людские страсти
Мог подложить в момент свинью.
В Сибирь за это не ссылали,
Но в дёгте здорово марали,
Отступникам являя мечь —
Как нынче бы сказали: «Жесть!»
Такими ж были профсоюзы,
Коль, перекушав белены,
Держали членов за штаны,
Чтоб стали Гименя узы
Похожими на кандалы,
На бремя тяжкой кабалы¹.

IV

А впрочем, этих профсоюзов
В армейской не было среде,
В чём больше минусов, чем плюсов:
И так держали всех в узде
Весьма *особые отделы*,
Что зaráз брали на прицелы
Всех своевольных жеребцов.
Тех особистов-стервецов
С цепи спускали в *Комитете*
Глубокого Буренья: «Фас!»
Кто не усёк сигнал «Атас!» —
Мог метку получить в анкете:
«Замечен как прелюбодей.
Закреть до окончанья дней!»

V

Сейчас об этом позабыли —
Подрастеряли люди страх:
Теперь другие нравы в силе —
Вовсю собачатся в судах.

Всё нанимают всяких частных
Шпиков дефектных, безобразных
И друг за дружкою следят,
Заранее готовя яд
Для громких разводных процессов.
Притом имущество, деньга
Важней, чем кто обрёл рога.
Во благо шкурных интересов
Для брака заведён контракт —
Считай, за бабки всякий акт.

VI

С гнилым душком дела такие:
То дебит-кредит — не любовь,
Не откровенье, не стихия,
Почти банальное «I love...»
Нам, русским, это не пристало,
Конечно, если денег мало;
Вот, если кто с большим баблом,
Пусть им воздастся поделом.
А может быть, парткомы эти,
Народ строгая по чуть-чуть,
На верный наставляли путь? —
Цвела семья, рождались дети,
Трудились ясли, детсады —
Сейчас всё это до <звезды...>!

VII

Прошу пардон, коль по-солдатски
Тут кой-чего наговорил,
Но я вам не чинуша статский,
Прямолинеен мой посыл.
Почто мне лгать да извиваться?
Не грех, считаю, сомневаться,
Вопросы выставив ребром,
Хотя молчанье серебром.

Иль золотом оно? – Не важно:
Один чёрт! – гнусный драгметалл.
Мне по <фиг...> этот капитал,
Коль всё пытаюсь бесшабашно
Слагать вам правду, не обман.
Продолжим далее роман...

VIII

Пусть говорить всего не в праве
Я про героя своего,
Но поясню, в разведуправе
Краснознамённого ОдВО
Служил Петрович наш в то время,
Не тратя понапрасну семя
На всяческих заморских баб:
Передохнуть велел Генштаб.
Ему в «стекляшке»* пояснили,
Мол, наберись немного сил,
С тебя тянуть не станем жил:
И без того <всё тело...> в мыле.
Былую форму обретёшь –
И за кордон, ядрёна вошь!

IX

Был рад Петрович: «Очень мило!
Хоть дома малость отдохну:
Уж лучше изводить чернила,
Чем <так трудиться на...> страну».
Мозги не забивая мутью,
Вздыхнул герой наш полной грудью
Свободы воздух той порой:
«А вроде как бы и живой!»
Упомянул я про супругу.
Откуда мутная волна?

* Речь о здании ГРУ, которое В. Резун наименовал аквариумом.

Что за секретная жена?
Возможно, Першин так подругу,
С которой начал *как бы* жить,
Решил тихонечко отшить?

Х

Жена Петровича на деле
Была *прикрытием*... – В чём суть?
На этом небольшом пробеле
Мы остановимся чуть-чуть.
А ларчик просто открывался:
Когда он за морем скитался
И звался турком Абдуллой,
Той незапамятной порой
Легализуясь за границей,
Чтоб «не навешали собак»,
Вступил Василь Петрович в брак
С проказницей и озорницей,
Что прозывалась Гюльчатой –
«Такая женщина – вай-вай!»

XI

Когда б изрёк: «Она красива!» –
Так мало б этим что сказал.
Вполне бы стало справедливо,
Чтоб сам читатель идеал,
Свой идеал, сумел представить.
Почёл бы к этому добавить:
«Чтоб Совершенство описать
Нужна Создателя печать!»
А я подобных ярких красок
И не держу, хотя порой,
Обычно бурною весной,
Не без лукавого подказок
К мольберту с кистью подхожу
И в мыслях изредка грешу.

XII

Да то – не всё, что мне осталось:
Ещё вполне довольно сил,
Чтоб не знаять в любви усталость,
Не позабыв гвардейский пыл.
Но речь не обо мне сегодня:
Не я! Разведка – сваха, сводня –
Вот нелегала бытие, –
Лишь констатирую сие.
В реалиях семидесятых
И ранее того годов,
Хоть засылали женихов,
Но чаще всё-таки женатых
При жёнах отправляли в путь,
Однако то – не всё отнюдь.

XIII

Увы, товар у них там – баба:
Плати, потом уже того...
Калым был с нашего Генштаба,
Точнее, с ГРУ всего.
Удар, конечно, по бюджету,
Но, коль нужда, гони монету:
Скупиться здесь – постыдный грех,
Коль разработку ждёт успех,
Что пахнет фондом премиальным.
Имелся, правда, тут нюанс:
Назначен был один сеанс,
Чтоб весь прожект не стал провальным,
Ну, обрезания... – «Ой, ой!» –
И чувств лишился наш герой.

XIV

А вы-то думали, шпионом
Легко на самом деле быть?
Вся жизнь его за тем кордоном,
Считайте – тоненькая нить,

И оборвётся вмиг неожиданно,
Когда не станет постоянно
Он конспирацию блюсти,
Чтоб <так растак её яти...>
А на Востоке, дело ясно,
Коль обрезанты все подряд,
То правоверным наш м а н д а т
Являть на свет небезопасно,
А <леди...> точно разглядят
Сей нестандартный агрегат.

XV

Герой наш дёргался сначала —
Не дамся, мол, укоротить...
Чуть не дошло до трибунала:
Начальство — *мать его ядрить!*
«Чего орёшь, сердешный, матом?
Тебя не делают кастратом, —
Сказал Петровичу хирург
И пояснил, как демиург, —
У нас другая процедура:
Иное нужно для страны.
А ну снимай, дружок, штаны.
Чик-пык... А ты боялась, дура!
Служенье Родине — не стыд.
Ах, да! — присыплем стрептоцид».

XVI

Нет! Не даю, друзья, совета,
А констатирую: с тех пор
Петрович не пенял на *это...* —
На обновлённый свой прибор:
Без шума, гама и рекламы
Его преследовали дамы.
В разведке — это высший шик:
Служить так жаждет всякий шпик,

А резиденту – нету смысла.
Однако ловкий секс-агент
Для руководства – конкурент,
С чего тихонечко зависла
Карьера нашего орла
В интригах старого козла.

XVII

– Секрет добыть? – элементарно! –
Всегда герой наш говорит
<И на страну пахал...> ударно,
И не жалел последних сил.
Но, все не выполнив задания,
Приговорён был к расставанию.
Запричитала Гюльчатая:
– Мой господин, не уезжай!
Уже ль тебе не угодила?
Уже ль тебе я не мила?
Твоя любовь ко мне – зола?
Тогда пускай, мой друг, могила
Покой мне вечный принесёт:
Сведу я разом с жизнью счёт!..

XVIII

Стоит герой наш, ошарашен:
Не думал он да не гадал,
Хотя бывал в любви бесстрашен,
Что может полыхнуть скандал.
– Что делать?.. – размышлял немного,
Не начиная диалога.
Мысль промелькнула: «Чёрт возьми!
Так не далёко до тюрьмы». –
Ведь Гюльчатая всего не знала,
А, если б знала, что тогда?..
«Ну, думай, думай, борода!» –
Крутилось в мозге нелегала.
Потом прикинул Першин так:
– Наверно, полный я м... <дурак!>

XIX

— Ответь мне, милая, родная, —
Сказал Петрович это вслух, —
Тебя женою почитая,
Когда-то был я слеп и глух
К твоим желаниям законным?
Иль сердцем всем своим бездонным
Не доказал тебе любовь?
...Она одну подняла бровь,
Потом другую, улыбнулась:
— Ты был любезен, мил со мной.
Но мне явился сон такой —
Меня ты бросил. Я проснулась
И не смогла сомкнуть очей.
Вот и дождалась новостей.

XX

— Ну, что ты, что ты, дорогая,
Нельзя быть суеверной столь.
Коран и мужа почитая,
Забывать все глупости изволь.
Не в первый раз и не в последний
Покину я наш дом намедни.
А ты люби меня и жди,
Читай Хайяма, Саади...²
Петрович выдал тут легенду,
Мол, так да сяк — дела не ждут:
«Лечу с оказией в Бейрут».
И по приказу импотента
(То был тот самый резидент)
Жену покинул он в момент.

XXI

Что тут ещё добавить, дру́ги?
Почти что всё сказал уже:
Герой ушёл от лжесупруги,
Хотя какой на деле «лже»?

Пусть Першин – истый Казанова,
Но всё равно на стопудово
Не застрахован от любви,
Короче, братцы, «се ля ви...» –
Василь Петрович в завершеньё
Поездки первой за кордон
Был прямо в сердце поражён
Стрелой Амура. Назначеньё
Тех стрел известно мне и вам.
Что тут сказать? – «Шерше ля фам!»

XXII

Поздней привык к таким ударам
Наш персонаж, – не дуя в ус,
Остался навсегда гусаром
С потенцией огромной в плюс.
И потому в Одессе-маме
Со столь <большими козырями...>
Василь Петрович без проблем
Конспиративный <вёл...> гарем.
Имел он графики приёма,
Как будто сущий бюрократ.
Явился здесь ещё и блат,
Коль навещали из обкома
Его отдельные мадам,
И начинался татарам.

XXIII

Да! Гости заявлялись часто:
«Профессион, <блин...>, дэ фуа».
Кричали: «Бестия!» – и – «Баста!»
И гроыхало здесь «Ура!»
И «Слава ВДВ!» звучало
В минуты естества немало.
Что тут добавить? – молод был,
На всех <людей...> хватало сил.
Но мне сдаётся, в блюде этом,
Всё, что шевелится, <любя...> ,

Герой наш прятался в себя
Иль от себя, коль под запретом
Держал свои же чувства к той,
Что *как бы* значилась женой.

XXIV

В иных объятиях жеманных
Он забывался на чуть-чуть,
Но вновь от ощущений странных
Ночами не умел уснуть.
Как объяснить сие коллегам,
Руководящим имярекам?
Хотя к чему им объяснять
Несчастье то иль благодать?..
— Смолчать, пожалуй, больше прока, —
Решил Петрович. — Не поймут.
Явится много пересуд:
Начальство-то всё однобоко
Перетолкует, перетрёт,
Мол, этакий агент — банкрот...

XXV

Но как действительно в разведку
Влюблённых дурней засылать?
Такой внимание и сметку
Забудет вмиг, <ядрёна...> мать.
И явки не перепроверит,
Чем конспирацию похерит
И глупо, тупо залетит,
Кому нужён подобный стыд?
Кому держать за то ответы?
Разведчик-циник — это да,
Влюблённый — право ерунда:
Таких не держат факультеты
«Консерватории» лихой,
«101-й школы» под Москвой.

XXVI

В последней Путина учили
 И научили кой-чему:
 Вон водит сам автомобили
 И наших не сдаёт в тюрьму,
 Порою на слова простые
 Спивает песни. – Что? Какие?..
 Пусть для врагов сие секрет,
 Но для своих-то тайны нет.
 Однажды слышал как чекисты –
 Сюжет для кисти S. Dalí –
 Грустят от Родины вдали:
 Ничто – эстрадные артисты
 Пред этим были песняком,
 И я сидел учеником...

 Когда профессией разведка
 (Песня советских нелегалов)^{XXVII}

*Величие Родины в наших
 славных делах!..*

Вдали от Родины нередко
 Чужие носим имена:
 И в мирный день идёт война,
 Когда профессией разведка.

 Припев:
 Мы люди неприметной
 Профессии конкретной:
 Удел наш – неизвестность,
 Не тратить лишних слов.
 Невидимое видим,
 Неслышимое слышим:
 Мы – призраки и тени,
 Мы – ужас для врагов.

Живём вполне обыкновенно:
Нам слава вовсе не нужна.
Родная снится сторона
Вдали от дома неизменно.

 Привев.

Рисуем жизнью за границей,
Чтоб наша Родина цвела:
Ей наши скромные дела —
Тире и точек вереницы.

 Привев.

Лежат, по сейфам прозябая,
Медали наши, ордена,
Но возвратит нам имена
Когда-нибудь страна родная.

Привев.

... Невидимое видим,
Неслышимое слышим:
Мы — призраки и тени,
Мы — ужас для врагов.

XXVII

Однако вновь махнём в Одессу,
Где висит наш герой:
Случайных связей — до зарезу,
А он всё сохнет по одной.
Той самой милой недоступной,
Что на стезе своей преступной
(По мнению вражьего УК)
Он полюбил. — Жаль мужика,
И Гюльчатай, конечно, жалко,
Да не сможешь тут ничем.

Не дай, Господь, таких проблем.
Хотя Петровичу гадалка
На Новом рынке нарекла:
«Её увидишь!» – ну дела...

XXVIII

Когда событие случится? –
Не знаю даже я о том.
А может, это небылица,
Как говорится, суп с котом,
Кто знает? Во втором романе...
Э, нет, друзья, тогда в Афгане
Дела творил наш удалец,
Всё брал какой-то там дворец.
Возможно, где-то в третьем томе
То рандеву произойдёт,
Наверно... – если повезёт
И не окажется в дурдоме
Ваш всепокорнейший слуга,
Иль вдруг не загремит в «ЧК».

XXIX

На линии большой Фонтана
Петрович хату получил,
Завёз добра два чемодана
И скромно обустроил тыл.
С амурными делами ясно!.. –
Ведь большинство из вас согласно,
Что образ жизни растакой
Мог обернуться вмиг бедой:
Портовый город. Тут заразы
С избытком даже достаёт,
И, если ты не идиот,
Последуй мудрому наказу:
– Когда свирепствует сифон,
Ведущим должен быть <Гордон...>!

XXX

В Одессе знают, не наветы,
А правду я сказал сейчас:
Простые, нужные советы —
Совсем не лишними для вас.
Недавно слышал, будто в школе,
Чтоб случилось менее юдоли,
Теперь <об этом...> говорят,
Чему я несказанно рад:
Пусть наркомпрос* — министр Фурсэнко
Обучит юных Мэ и Жэ
И по предмету ОБЖ
Введёт экзамен, чтоб оценка
Была сначала — хоть бы «уд»,
Как разрешение на блуд.

XXXI

Герою нашему в то время,
По счастью, с этим повезло:
Петух его не клюнул в темя,
С чего не хмурил он чело.
Но чур! Подруги отвалили.
На ГАЗ-«шесть шесть» автомобиле
Толпа примчала. В этот раз:
«За вас, за нас и за спецназ!» —
Гремит. Звучат другие тосты:
То заявили не князья,
А старые его друзья —
Гуляки, <бабники...>, прохвосты.
Нет, не прохвосты всё ж они,
Но остальное — без брехни!

XXXII

Не то чтоб оргии тут были,
Не то чтоб полный кавардак,
Но, коль гвардейцы *накатили*,
Соседям это некий знак:

* Народный комиссар просвещения.

Кто скручивал свои манатки,
А кто-то данные порядки
По добродушью одобрял —
С чего не частым был скандал.
Являлась для гостей канистра
Вполне добротного вина
(Обычно даже не одна),
Стол полнился закуской быстро.
Вставал Петрович в полный рост
И объявлял свой старый тост...

Старый гусарский тост (Или прощание с гусаром)

Не зовите в герои —
Ухожу в монастырь:
Так достали запои,
Что милее псалтырь.

В жилах кровь — не водица:
Пёр всегда напролом.
Но согласен трудиться
Даже истопником.

Потому что доколи
Тратить силы свои
На табак, на застолья,
На лихие бои?

Не грустите же, братцы,
Не прощайтесь со мной:
Я вам должен признаться —
Монастырь не мужской.

...Веселее, гусары:
Что война, что Сибирь.
Пьём под звуки гитары
За девиц монастырь!

XXXIII

А дальше шло всё по программе:
– Гуляем, братцы!.. – От винта!
Табачный дым парил клубами,
Жила в общении простота.
О чём обычно говорили? –
О нашей <офигенной...> силе
В спортивных играх: рвали всех!
Травили также без помех
Весьма беспечно анекдоты
Про Штирлица и про ЦК,
Про Леонида-старика,
Про Вовочку... – полно работы
Тогда б имело КГБ,
Была б прослушка в той избе.

XXXIV

Звучали изредка частушки,
Но деревенский сей фольклор
Не характерен для пирушки,
Где проходил гвардейцев сбор.
Частенько тут сменяли тару.
Потом настраивал гитару
Петрович вмиг, аккорды брал
И, осушив зараз бокал,
Певал всегда под настроенье
Блатняк, романс «Любовь-обман»
Иль выдавал в момент канкан.
На этот раз пел размышленья
Про одессита-земляка –
Войны минувшей моряка...

♫ **Песня о неудобном герое**
(Личный враг) ^{XXIII}

Всё тратят множество чернил
И часто надрывают глотку,
Мол, так растак — не так он жил,
Всё — не про подвиг, всё — про водку.
Его прозвание — «Личный враг!» —
Звучит как титул, ёмко, веско:
Нет выше звания — Моряк,
Моряк-подводник Маринеско.

♭:≡ *Припев:*

Рыдайте, скалистые горы:
Приспущен Андреевский флаг.
Салют отдают комендоры:
Мы помним твой подвиг, моряк.

Не ангел: как умел, так жил,
При этом был других не хуже.
Но кто посмел и кто решил,
Что нам такой Герой не нужен?
Как воин умер — на щите,
Не запятнавши чести флота:
Скончался в гордой нищете
Герой советского народа.

♭:≡ *Припев.*

Но вновь и вновь ненужный пыл
Являя по лихой наводке,
Кричат: «Не праведно он жил!» —
Тот храбрый капитан подлодки.
И вот на обелиске нет,
Нет «С-13» командира:
Бал правят сплетня и навет,
Коль вместо чести — честь мундира.

☞ Прив.

В Одессе помнят земляка,
И почитают – в Ленинграде,
Хоть имя, подвиг моряка
Ещё в забвенье и осаде.
Как титул нёс он – «Личный враг!» –
И более не скажешь веско,
Нет выше звания – Моряк,
Моряк-подводник Маринеско.

Прив. ☞☞☞

...Салют отдают комендоры:
Мы помним твой подвиг, моряк.

XXXV

И вновь чередой гремели тосты,
Ведь не пивали здесь кефир:
«Ещё нам рано на погосты.
Коптим, гвардейцы, грешный мир!
Коль на своей не выпьем тризне,
Так пьем всю жизнь при этой жизни
За дружбу!» Следом: «За любовь,
За женщин!» – и не прекословь...
Не можешь пить? – не мучай <что-то...>,
Сиди тихонько в стороне
И в рассудительном вине
Мочи усы свои, пехота...
Хотя пехота пить могла,
За это честь ей и хвала!

XXXVI

Штабные как? – одно бахвальство:
Интеллигенты, <фак...> их так!
Танкисты? – это сплошь нахальство:
Нажрут, сотворят бардак.

От них бочком, как уклонисты,
Давали залп артиллеристы –
Втихую пили по чуть-чуть,
По полканистры вмиг на грудь.
Когда о службе понемногу
Речь заходила за столом,
То означало – скоро в лом.
А посему вперёд в дорогу
Иль оставайся на ночь тут
И скромный разделяй уют.

XXXVII

О, молодость! Не стоит, право,
Её судить за буйный нрав:
Желаний меньше – строже нравы,
И в этом я, к досаде, прав.
Да! Заикнулся о гареме.
Ну, что ж, вниманье этой теме:
Наверно, тут две трети – ложь,
А правды – треть, ядрёна вошь.
Как говорил уже, ребята,
В той череде мужских побед
Петрович прятал свой секрет
Про Гюльчатай – *пробило хвата!*
Не стоит парня попрекать:
Неплохо было бы – понять.

XXXVIII

Издержки есть у всех профессий,
В разведке тоже их полно:
Избыток стрессов и агрессий,
Да плюс ещё такое НО...
Живя в просторах чужестранных,
Легко привычек дюже странных
Себе в обычаи набрать,
Стараясь местным быть под стать.

Вот *многожёнство* — для примера:
Для них — типичный ритуал,
Для нас — чистейший криминал,
Весьма запретная манера,
Коль почитаем за бардак
Законный мусульманский брак.

XXXIX

А наш Петрович потрудился
В той атмосфере — «О, го-го!» —
И в турка перевоплотился,
Не взяли чтоб за кое-что.
И что, казнить его за это?
С меня не требуйте ответа:
Необъективным будет он,
Судить коллегу — не резон.
— Любовь возможна в этом браке,
Ну, в полигамии то бишь? —
«О, да! С женой одною лишь
Живут кяфиры да маньяки», —
Так на Востоке говорят;
Но я у них — не адвокат.

XL

Короче так, Василий Першин,
Коль не помехой генотип,
Идеей странной был одержан:
Сменил былой стереотип
На новый — *как бы* мусульманский,
Вступал нередко в «брак гражданский»
(*Так называется сейчас,
Что <блудом...> значилось у нас*).
Но тут явилась эта стерва,
Мол, всё <люби...> её одну.
Тогда он вспомнил про жену,
Поистрепав порядком нервы:
— Простите: я не разведён,
За этим нужно за кордон...

XLI

Куда деваться донжуану,
Коль отказался наотрез
Дать продолжение роману? –
Таки пошёл иной процесс.
Был вызван он к тому папаше.
Тот молвил так: «Нет службы краше,
Чем та, которая в Кремле –
Нос в табаке, сам при рубле.
Ты будешь здесь. Мою лишь дочку
Ты, парень, должен замуж взять,
И мне тогда ты станешь – зять.
А коль не так что, ставим точку,
На ком? – Так это на тебе!
Подумай о своей судьбе...»

XLII

Конечно, это было глупо –
Пускать угрозы в оборот:
Когда винтить излишне круто,
Так гайку и с резьбы сорвёт.
Грешно запугивать солдата:
Петрович вспомнил, что когда-то
Ходил в глубокий вражий тыл
И от облавы уходил.
Но чтобы дома так позорно
Попасть к бабёнке этой в плен,
А тут ещё и этот *член*;
То с лаской подползёт притворной,
То всуе поминает... *мать*:
«Век повышенья не видать!»

XLIII

«Чего здесь думать-то особо?!» –
Решил Петрович – баламут:
Его случайная зазноба
Случайной и осталась тут.

А что до папы-генерала,
Так тот, рукой махнув устало,
Пообещал ему: «Стервец,
Придёт когда-нибудь <нипец...>
Всем выходкам твоим амурным:
Узнаешь, где Макар телят
На выпас гнал, сиречь – штрафбат.
Таким ребятам дюже бурным
Быть надо дальше от Москвы,
Чтоб не сносить им головы!»

XLIV

В Кремле раскинули мозгами –
Крутили глобус так да смяк,
Обременили вновь делами –
Петрович тихо выдал: «Фак!»
Буграм-то что? – всё руки в боки,
Ему ж на Ближнем всё Востоке
Была задача – отыскать
Особо ценную тетрадь.
В ней был чертёж «Центуриона» –
Такого танка, мать яти!
А он возьми да и найди...
Ведь кто находкой для шпиона?
Известно дело, всяк болтун,
Такой, примерно, как Резун.

Информация к размышлению

Архив ГРУ ГШ:

Из личного дела №5897

Резун Владимир Богданович (личный номер – Ж-796520) родился 20 апреля 1947 г. в посёлке Барабаш Хасанского района Приморского края. Родители: отец – Резун Богдан Васильевич, 1921 г.р., мать – Резун (Горевалова) Вера Спиридоновна, 1918 г.р., проживают по адресу: Украи-

на, г. Черкассы, ул. Советская, дом 39/24. Жена – Резун (Корж) Татьяна Степановна, 1952 г.р. Дети: дочь – Оксана, 1972 г.р., сын – Александр, 1976 г.р. В 1954-м Резун пошёл в первый класс средней школы. С 1957 по 1964 г. учился в КЛСВУ. В 1967-м окончил Киевское ВОКУ, а впоследствии – ВАСА. Капитан.

Резун (литературный псевдоним – «Виктор Суворов») – сукин сын, предавший своих товарищей, ныне – писатель и фальсификатор истории. Автор книг «Аквариум», «Ледокол», «День М» и т.д. В июне 1978 г. в Швейцарии, как последний лох, попался в «медовую ловушку», организованную британской разведкой (Ми-6). За измену Родине 31 октября 1978 г. исключён из рядов ВЛКСМ.

XLV

Сей сукин сын, злодей, предатель
В больших писателях сейчас.
Кто после этого издатель?
Чем занят ФСБ спецназ?..
Ещё позвольте поспрошаю:
– Неужто нынче негодяю,
Шестёрке <долбанной...> Ми-6,
У нас в стране почёт и честь?
Глядите, плачется с экрана,
Что всё висит над ним топор –
Вчерашний страшный приговор.
Мол, это шибко негуманно.
Однако сей контрацептив
И в наши дни как будто жив.

XLVI

Уж лучше б написал подлюга,
Что контрабандой промышлял,
Как заложил чекистам друга,
Как подводил под трибунал

Своих коллег, что по темницам
Сидят поныне за границей.
Всё нагло врёт сей элемент,
Мол, он *почти что* диссидент.
Как спекулировал валютой,
Как золотишко провозил,
Об этом Витя позабыл.
Нет! Не идейный он Иуда
И не историк-донкихот —
Коммерческий Искарриот.

XLVII

И погоняло* взял — «Суворов...»
Смеётся, что ли, сукин кот?
Подлей его не видел вóров,
Ещё <*нищит...*>, мол, патриот.
Сейчас не выглядит нелепо:
Имел он прозвище «Мазепа»
С давнишних самых юных лет
В среде калининских кадет.
Увы, в семье не без уроды.
Не будем в том винить «ЧК»,
Хотя сваляла дурака,
И не ругайте рифмоплёта,
Что много здесь наговорил:
«Уж лучше б <*гада...*> замочил!»

XLVIII

И <*хрен...*> бы с ним: что там об этом?!
Но вот издатель, кто он есть?
По всем уликам и приметам —
Агент влияния Ми-6
И агент ЦРУ, конечно.
Так ФСБ с чего беспечно

* Кличку (*жарг.*).

Всё потакает клевете
И не замочит АСТ?*

Свобода слова? Чушь какая!.. —
Сколь бы ни сыпали монет,
В Америке такого нет.
А мы дошли совсем до края,
Неужто мало нечистот? —
«Колонна пятая идёт!»

XLIX

Смолчать?.. Но рассказать-то надо:
Резун поднят был мужиком! —
У них в треклятой этой НАТО
Карьеру делают очком.
Ми-«пятой»** профессионалы —
Сплошь лесби и бисексуалы,
Там гомосексов полный штат:
Они — передовой отряд.
Спаси от этого, Всевышний!
Какая пошлая игра... —
Такая подлая пора!
Считайте, я в разведке лишний,
Коль ГРУ и СВР
Докатятся до этих мер.

L

Короче так, двуликий анус —
Виктор, как бишь его? — Резун.
Вы поправляете, мол, Янус?
Ну да! Ещё отпетый врун:
Насочинял трактатов разных
На средства фондов *как бы* частных
И вместе с «ЦРУ-издат»
Погибших оплевал солдат.

* Издательская группа, тиражирующая книги В. Резуна.

** Ми-5 — британская контрразведка.

С того и склонен к паранойе
(*Диагноз ставил психиатр*)
Сей гнусный подлый педиатр —
Ну, недераст... — творя такое,
За что другой бы господин
В лоб получил пяток маслин.

LI

Спецом по голубым мужчинам
Не состоял и наш герой
И, по понятным вам причинам,
Ссылался здесь на геморрой.
Работал вновь по старой схеме,
Отдав традиционно семя
Плеяде избранных мадам,
Не поднимая шум и гам.
Трудился Першин в Тель-Авиве,
Где поймел большой улов:
Там одесситок — будь здоров!
На этой благодатной ниве
Петрович быстренько расцвёл:
Не пил, как прежде, корвалол.

LII

Кто тут живёт? Смотрите — Сара:
Она женой раввина здесь.
Тут Софа с Нового базара,
К ней нынче просто не подлезть:
Уж больно шибко возгордилась —
Такі скажите мне на милость —
Салон купила красоты,
А прежде — запросто в кусты.
Здесь Ривка — школьная подруга
Петровича. Да не одна!

Считай, на треть уся страна
 Из бывших наших. Чья заслуга? –
 <Файнштейн* как будто...> не причём:
 Он был, скорее, за погром.

ЛIII

Здесь также Изя Рабинович
 И Зяма Броцкий тоже тут,
 Прижились Фельдман, Давидович,
 И Коган здесь обрёл уют.
 Ведёт свой бизнес Шендерович,
 Стихи слагает Бунимович
 И ханку жрёт за четверых.
 А Лифшиц что? – не хуже их –
 Боец политики публичной,
 Любитель громко отдохнуть,
 По-русски дико бухануть,
 Притом и финансист приличный.
 С чего-то Шварцман опоздал,
 Да тут родни его – квартал.

Информация к размышлению

Документ ЦК КПСС
 № I365-A № 5/4-I25I:

«СЕКРЕТНО»

Из записки в ЦК КПСС

В связи с израильской агрессией против арабских стран по представлению Комитета госбезопасности с согласия ЦК КПСС в июне 1967 года был приостановлен выезд советских граждан еврейской национальности на постоянное жительство в Израиль <...> В целях локализации клеветнических утверждений западной пропаганды о дискриминации евреев в Советском Союзе представляется целесообразным наряду с другими мерами возобновить в текущем

* Фамилия матери Ю. В. Андропова.

году выезд <...> Комитет госбезопасности сможет продолжить использование этого канала в оперативных целях. По тем же соображениям до восстановления дипломатических отношений с Израилем следовало бы разрешить выезд советских граждан в Израиль по частным делам в порядке исключения <...>

АНДРОПОВ, ГРОМЫКО

10 июля 1968 г.

LIV

Тут смежницу* надыбал Першин
С резедентуры КГБ.
Сказал пароль: «Я как бы Гершин.
Играю малость на трубе».
И левым глазом агентессе
Чуть подмигнул. Она: «В Одессе
Учились вы, милейший граф?
Не нужен мне славянский шкаф».
Таков был отзыв, на который
Петрович тихонько сказал:
— Ну, что готов материал?..
Она в ответ: «Вы слишком скорый.
К чему, мой друг, такая прыть?
“Стакан воды” пора испить...»

LV

— Пардон, мамзель, я на работе! —
Петрович вдруг запричитал,
Не чая о таком залёте:
«С чекисткой-бабой?.. — криминал!»
Она молчит, не тратя нерва,
И взглядом жжёт. «Вот это стерва! —
Аж восхитился наш герой, —
Прикинись, вроде бы больной».

* *Смежники*, или *соседи* — разведчики госбезопасности и наоборот (*сленг*).

– Ну что ж, – она ему сказала, –
Отправлю шифром: «Нездоров,
К заданию нынче не готов!»
Тут Першин вздрогнул: «Да, скандала
Не доставало мне совсем:
Давненько не было проблем».

LVI

«Лады! – Петрович выдал даме
(А кошки на душе скребли). –
Что будет дальше по программе
Совместной нашей, ежели
Мы проведём *как надо* время?»
И про себя: «Вот сучье племя:
<Ужо достало...> КГБ,
Хоть мажь зелёнкой крест на лбе».
Поправил Першин тут причёску,
Точнее, сбившийся парик,
Поднял повыше воротник
И, задымивши папироску,
Сняв шляпу, чёрные очки,
Подумал: «Сдюжу! Пустячки...»

LVII

Затем они блуждали долго
По лабиринтам городским.
Заметил вслух Петрович колко
(*Ну, это мы его простим*):
– Разжились как материалом,
Неужто заплатили налом?
Иль взяли способом иным? –
Я намекаю на интим...
Она: «Не важно! Конкурентам,
То бишь прославленному ГРУ,
Всучу сегодня не муру.
Хотя двум нашим резидентам
Консенсус в этом не найти».
Петрович выдал: «Мать яти!»

LVIII

Да! В Первом Главном управленьи*
 Был не в почёте военспец.
 И в ГРУ имелось мненье,
 Мол, КГБ — не образец
 В делах разведки нелегальной;
 Что репутацией скандальной
 Отмечен этот Комитет,
 Мол, нам до них и дела нет.
 Порой большие были дразги,
 Но конкуренция в делах —
 То больше польза, а не крах,
 Когда особой нет огласки.
 Кто лучше? — не один ли <нэр...>?
 Коль в дамках был СССР!

LIX

С того, идя к совместной цели,
 Чекистку Першин вербовал.
 А может быть, на самом деле
 Сам угодил на карнавал,
 Когда ещё не сняты маски,
 Когда пленительные сказки
 Слух услаждают простака,
 Пьяня похлеще коньяка.
 А может, здесь двойная мина?
 Скорей всего, наверно, так,
 Ведь оба — профи, мать растак,
 Такая маслицем картина.
 Но подоспел уже момент —
 Они вошли в апартамент.

LX

Сказала дамочка игриво:
 — Что, прямо сразу и в постель?..
 Герой наш: «Инициатива
 От вас была, мадмуазель.

* ПГУ (внешняя разведка) КГБ СССР, ныне — СВР РФ.

Я лишь солдат своей Отчизны
И не желаю укоризны
От вашей фирмы получать.
Примите ванну и в кровать!»
Добавил после: «Потолкуем,
А то неясно, why is... кто».
Помог мамзели снять пальто,
Присовокупив: «Померкуем
О сути жизненных проблем,
Про наш нечаянный тандем».

LXI

Включив погромче радиолу,
Чтоб не прослушали базар,
Дань отдавая протоколу,
Он, как гарсон и кулинар,
Накрыл в секунду стол отменный,
Коль взял на дело свой толстенный,
Припасов полный саквояж:
Запаслив был наш персонаж.
Они распили «три семёрки» —
Советский чумовой портвейн —
Под возгласы: «О зо хэн вэй!»
Петрович подложил икорки
И заявил: «На брудершафт!
Как любит Валентино Гафт».

LXII

Чем завершаются, мы знаем,
Все лобызанья с КГБ.
Она тут вставила: «Лихаим!» —
Зачтётся «божия рабе».
Герой наш помнил, что на службе,
С того и мало верил дружбе,
Благим намереньям «ЧК»
И действовал наверняка.
Кем был Петрович на работе? —
Считай, стахановец крутой!

<Всё показал подруге...> той:
Вот две строки в её отчёте:
— Хоть еле встала поутру,
Перевестись желаю в ГРУ!..

LXIII

Так Першин отработал ценный
Источник тот — везло ему!
Задачей встал первостепенной
Гоп-стоп на здешнюю тюрьму:
Там сейф стоял зело секретный,
И план составлен был конкретный,
Как одолеть опасный путь
И всю охрану обмануть.
План предусматривал, чтоб ночью,
Когда спит главный полицей
И самый старший вертухай
Не исполняет полномочья,
Наскоком (на одесский лад)
Лихой осуществить захват.

LXIV

Застыло время перед бучей.
Петрович думал о своём,
Что надо бы на крайний случай
Взять цианид, а не боржом.
Примерить робу арестанта —
Не допускал он варианта,
Хоть отправлялся сам в тюрьму,
Взяв для документов суму.
Пошёл на дело, лишь стемнело,
Товарищ Першин — наш герой,
Чтоб провести свой тайный бой
С врагами мужественно, смело.
...Устроив им иллюзион,
Всё то, что нужно, стырил он.

LXV

Подробности вновь опускаем,
Чтоб стал добрее прокурор,
А то объявит краснобаем
И мигом слепит приговор:
Не проявлю оригинальность,
Сказав, что суд у нас – формальность,
Почти ненужный институт,
Считай, артель «Напрасный труд».
Не оправдают здесь, ребята,
Не сомневайтесь нипочём,
Хотя, коль подойти с баблом,
Добиться можно результата.
Но это к слову я сказал,
Продолжим далее скандал...

LXVI

Позднее, выйдя из гарема
(Иль про тюрьму я говорил?),
Петрович понял: «Есть проблема!» –
Вослед попёрся крокодил –
Филёр из местной контрразведки,
Давя всюю сухие ветки,
Что попадались по пути.
Чему их учат, мать яти?
Маячил с первым по соседству
Ещё один невзрачный шпик,
Надевший старенький парик –
Короче, жалкое посредство:
Таких бы в нашу ГубЧК
Не взяли б в жизнь, наверняка.

LXVII

Но вот они чуток отстали,
Болтая всё наперебой,
Что дело сделают, медали
Разделят честно меж собой.

Затем, пресытившись от спичей,
Пошли тихонько за добычей,
Приготовляя реквизит,
Имея очень наглый вид.
Один из них мечтал в ту пору
Срубить гешефт весьма большой.
Мол, сдаст шпиона под конвой
И вмиг в центральную контору
На повышение вперёд! —
Но никуда он не уйдёт...

LXVIII

Второй страдал о том же самом
С поправкой, правда, кой-какой:
— Зачем делиться фимиамом?..
Мол, перебьётся молодой,
А он, филёр довольно старый,
Всё ходит со стажёром парой.
Не будет и ему наград,
Хоть был уже готов захват.
Герой наш, не подавши вида,
Что понял всё, ускорил шаг.
Подумав: «Подучу салаг.
Пускай собьют свои копыта!» —
И сыскарям без волокит
Не дал ни шенкеля в кредит.

LXIX

Вмиг, отрываясь от погони,
Петрович влёт крутой забор
Перемахнул, а в марафоне
Явил упорство и задор.
Шпики отменно лоханулись
И на червонце первом сдулись:
Прошли б они у нас КУОС,
Так не попали бы в навоз...

Ещё стреляли с пистолетов,
Спалив на раз боезапас,
Да <хрен...> возьмёшь подобным нас:
Ультрамариновым беретам
(Звучит <похабно...> «голубым»)
Стрелялки эти – по <фиг...> дым!

LXX

Затем герой наш развернулся
И на филёров налетел.
Второй толково увернулся
(Он что-то всё-таки умел),
А первый был отрублен сразу.
Другой такую бросил фразу:
– Сам полежу полста минут.
Считай, что мне пришёл капут.
Мы ж земляки с тобой, с Одессы,
Я в прошлом тамошний доцент,
А здесь – всего-то жалкий мент:
Попутали, наверно, бесы.
Прости минё весь этот срам.
Ну что, *товарищ*, по рукам?..

LXXI

Смотрел Петрович на клиента
И думал: «Может, и не сдаст...» –
В отличии от резидента
Он всех мочить был не горазд.
Предупредил: «Смотри, земля,
Коль справишь Первое апреля!
Вмиг боком выйдет этот смех –
Таки возьму на душу грех!»
Топтун* такому повороту
Был, прогнозируемо, рад –

* То есть филёр (*сленг*).

Не поперхнулся даже гад:
— Я по приязни и расчёту
Готов помочь тебе и впредь,
Коль буду что с того иметь.

LXXII

Отставив мигом суетливость
(В разведке с нею — лишь беда),
Петрович превозмог брезгливость
На этот раз не без труда.
Потом включил он благосклонность,
Бодря преступную наклонность,
Такой примерно дав ответ:
— Получишь тридцать, <блин...>, монет
В любой валюте иностранной.
Но разьясняю, не юля:
Вход рубль, выход — три рубля.
А финт крутнёшь какой обманный,
Тогда, считай, тебе кранты —
Всё это разумеешь ты?

LXXIII

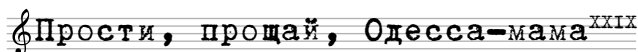
— Минé понятна обстановка, —
В момент ответственвал филёр.
Так задалась экспресс-вербовка,
Пока в отключке был стажёр.
Поздней за капитал наличный
Тот мужичок весьма практичный
Поможет Першину в делах,
Конечно же, не на словах.
Взгрустнул Петрович наш немного:
— Да, с мужиками без чудес:
Им только шкурный интерес.
А женщина всегда от Бога:
Здесь прежде чувства, не расчёт —
Пусти козла лишь в огород.

LXXIV

Топтун, отправленный в нокаут,
 Тут что-то *типа* замычал.
 На чём переговорный раут
 Мгновенно вышел на финал:
 Базары завершив на этом,
 Петрович предпочёл беседам
 Умчаться в новый марш-бросок,
 Чтоб не мотать на зоне срок.
Кто удалец? – Василий Першин!
 Родное славься ГРУ! –
 Не позабыть твою муштру.
 Ещё хвала чекистам, СМЕРШу,
 Коль разъяснили по уму,
 Что значит залетать в тюрьму.

LXXII

Потом, придя в свою каморку,
 Петрович выпил самогон
 Да всю скурил на раз махорку –
 Чуток расслабился, пардон.
 Испёк в камине понемножку,
 Втихую на золе картошку,
 Чтоб не случился вдруг трезвон,
 Мол, День СА³ справляет он.
 Сидел. Грустил. Давил беззвучно
 Всё за Одессу песняка:
 Пусть, если что, за м... *<чудака>*
 Его признают лженаучно
 Ищейки здешнего ГБ,
 Ведь там любили лишь «Любэ».

 Прости, прощай, Одесса-мама^{XXIX}

«Прости, прощай!» – скажу Одессе-маме:
 Я завтра уезжаю на гастроль.
 Немало едут вдаль за козырями,
 Пусть едут, но не в этом песни соль.

 Привет:

Родная милая Одесса,
Сегодня с досвиданьем пьеса:
Опущен занавес. Прощай,
Но лихом нас
Не поминай.

Кого в тумане манит перспектива —
Сыграть иную в этой жизни роль,
Кому-то не хватает позитива —
Пусть ищет, но не в этом песни соль.

 Привет.

Пусть кто-то вновь летит неумолимо
В далёкий край, где не бывал дотоль:
В земле обетованной пилигрима
Дела ждут, но не в этом песни соль.

 Привет.

Молиться мне в чужом наскучит храме:
Мне в нём не радость, а одна юдоль.
И я к своей вернусь Одессе-маме,
Ещё вернусь — и в этом песни соль.

Привет.

...Опущен занавес. Прощай,
Но лихом нас
Не поминай.

LXXIII

И что? Лиха беда — начало:
Петрович был такой орёл,
Что посчитал — тетради мало,
Взял, да и весь «объект» увёл⁴.

А коль отменным был танкистом,
Сработал здесь довольно чисто:
Залез в броню, за рычаги
И оторваться не могли –
Давил до полика что надо,
Маршрут заранее изучив,
Притом ещё остался жив.
...В Москве ждала его награда –
От парткомиссии «строгач»,
Мол, он – махновец, лгун и рвач.

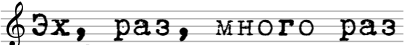
LXXIV

Ему б смолчать на это дело,
Да не таков герой наш был,
Коль заявил партийцам смело,
Что «с их маман – со всеми! – <жил...>».
Поднялся тут шум-гам погромный,
Том дела личного огромный
Стал прямо на глазах расти,
И всё... – Петрович не в чести.
А тут ещё пробило члена
Политбюро КПСС:
Валить хотел отправить лес,
Мол, это чуть ли не измена;
Потом, когда в себя пришёл,
Он прекратил свой производ.

LXXVIII

Решили, что на зону рано:
Вина как будто – не вина
(За перевыполнение плана
Другим давали ордена).
Но коли натянули вожжи,
Что отпускать? Быть может, позже?... –
«В пехоте пусть послужит хват,
Что для него – почти штрафбат!»

Так для разведки нелегальной
Почил отважный офицер,
Мол, якобы давал пример
Разгульной жизни аморальной.
И после всех гонений тех
Он к нам пришёл как зампотех.

(Песня такі одесских гвардейцев) ^{xxx}

Все отставлены гулянки,
Променады под луной:
Под Одессою, в Чабанке,
Вновь гремит учебный бой.

Эх, раз!.. И щё раз,
И щё много, много раз.
Эх, раз и щё раз,
И щё много, много раз.

Чтоб забыли шум трамваев
И бокалов перезвон,
Гонят нас под Николаев
На широкий полигон.

Только кончатся ученья,
Полигонная страда,
Вмиг на ж... <тело> приключенья
Мы отыщем без труда.

Здравствуй, маменька Одесса,
Море, барышни, вино, —
Романтическая пьеса
Из индийского кино.

 Привет.

Мы пока что неженаты.
Ну а тот, кто вышел в брак,
В метрах ста вдали от хаты
Тоже как бы холостяк.

 Привет.

Не меняются на пейсы
Закрученные усы.
Наливай шампань, гвардейцы,
Не смотрите на часы.

Привет.

...Эх, раз и щё раз,
И щё много, много раз.

Примечания к главе седьмой

¹Вопрос: «Как жёны удерживают мужей?» Ответ: «Итальянка — телом, англичанка — делом, француженка — грацией, а русская — парторганизацией».

²Хайям Омар (ок. 1048 — ок. 1123 г.) — персидский и таджикский поэт, математик, философ, автор всемирно известных философских четверостиший — рубаи. Саади (между 1203 и 1210—1292 г.) — персидский писатель и мыслитель, известен своей любовной лирикой, поэмой «Бустан» (1257 г.), сборником притчей-рассказов «Гулистан» (1258 г.).

³23 февраля Штирлиц идёт по рейхсканцелярии, а на встречу ему Мюллер в тельняшке. «Как стыдно, — подумал Штирлиц. — Если бы не старший товарищ, я мог бы забыть, что сегодня День не только Советской армии, но и Военно-морского флота».

⁴Как бы там ни было, во время арабо-израильской войны 1973 г. в распоряжении военного командования СССР действительно оказались некоторые образцы новейшего зарубежного вооружения и боевой техники, применявшиеся армией обороны Израиля. В их числе были беспилотный самолёт-разведчик, а также танки М-60 и «Центурион».